

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ САБЛИ ИЗ МАЙРТУПА

© Р.Х. МАМАЕВ

Академия наук Чеченской Республики, Грозный

Статья посвящена средневековым саблям, их деталям и кинжалу, обнаруженным в окрестностях с. Майртуп Курчалоевского района Чеченской Республики.

Ключевые слова: средневековые сабли, кинжал, перекрестия, Майртуп.

The article is devoted to medieval sabers, their details and dagger, founded in the neighborhood of v. Mairtup of Kurchaloy district of Chechen Republic.

Keywords: medieval sabers, dagger, crosshairs, Mairtup.

В последние два десятилетия количество работ, посвященных исследованию предметов средневекового вооружения, найденных на территории Чечни, сильно сократилось. Это, прежде всего, связано с известными событиями, вызвавшими как прекращение полевых археологических исследований, так и резкое уменьшение количества публикаций вообще. Статьи, выходявшие в эти годы, либо содержали неопубликованные материалы раскопок предшествующих лет [1–3], либо интерпретировали известные ранее материалы [4–6].

В связи с этим каждый новый артефакт этой категории, происходящий отсюда, заслуживает внимания. Несмотря на ограниченность информации, которую предоставляют случайные находки, публикация таких предметов представляется необходимой.

В последние годы в Национальный музей Чеченской Республики (НМ ЧР) поступил ряд предметов вооружения, относящихся к древности и средним векам, полученных из рук т. н. «черных копателей».

Так, в 2010–2011 гг. в музее появились 5 сабель, происходящих из окрестностей с. Майртуп Курчалоевского района Чеченской Республики (рис. 1) ¹. Ниже мы приводим описание четырех из них. Пятую саблю обмерить не удалось, но известно, что она представляла собой клинок, аналогичный одной из указанных сабель (3). Еще один образец, найденный в Майртопе ранее и уже опубликованный, привлекается в данном случае в качестве аналогии, как и два происходящих отсюда же сабельных перекрестия.

Сабля 1 (рис. 1. 1) состоит из клинка, рукояти и перекрестия. Ее общая длина – 105 см, вес – 960 г. Сохранность – средняя, покрыта коррозией черного, серого и оранжево-коричневого цветов.

Серый цвет, видимо, свидетельствует о процессе минерализации, произошедшем в результате длительного нахождения сабли в земле. Красно-оранжевый цвет («древесный тлен») указывает на наличие некогда деревянных ножен и обкладок рукояти.

Собственно клинок длиной 99 см имеет плавный, близкий к симметричному изгиб в 2,7 см, точка которого немного смещена к острию и находится на отрезке между 50 и 60 см ниже перекрестия. Основная часть клинка имеет одностороннюю заточку, треугольное сечение с четко различными лезвием и обухом, его ширина – 3,1 см, толщина обуха – 0,8 см.

Сужение и утончение клинка начинается только с дулезвийного острия (длина – 21,5 см), ромбовидного в сечении, с четко различимым ребром жесткости. Последнее смещено к внутренней стороне полосы и находится от него на расстоянии 1/3 от ширины клинка. Лезвие параллельно ребру жесткости и в 6 см от кончика острия плавно сужается, с внешней же стороны оно начинает плавно сужаться уже с самого начала острия и на расстоянии 8 см от его кончика сужение становится более заметным.

На клинке, сразу под перекрестием, расположена железная накладка-обойма, охватывающая полосу с трех сторон, длиной в 2,5 см, имеющая со стороны лезвия четко выраженный язычок длиной 4,3 см. Основная же часть обоймы, напротив, слабо определяется «на ощупь», только за счет большей толщины клинка, хотя достаточно выражена визуально.

Перекрестие – железное, напускное, длиной в 7,5 см, состоящее из основной части и 2-х концов, равных по ширине. Его основная часть имеет форму челнока (при взгляде сверху), внутри которого прорезано прямоугольное отверстие, в

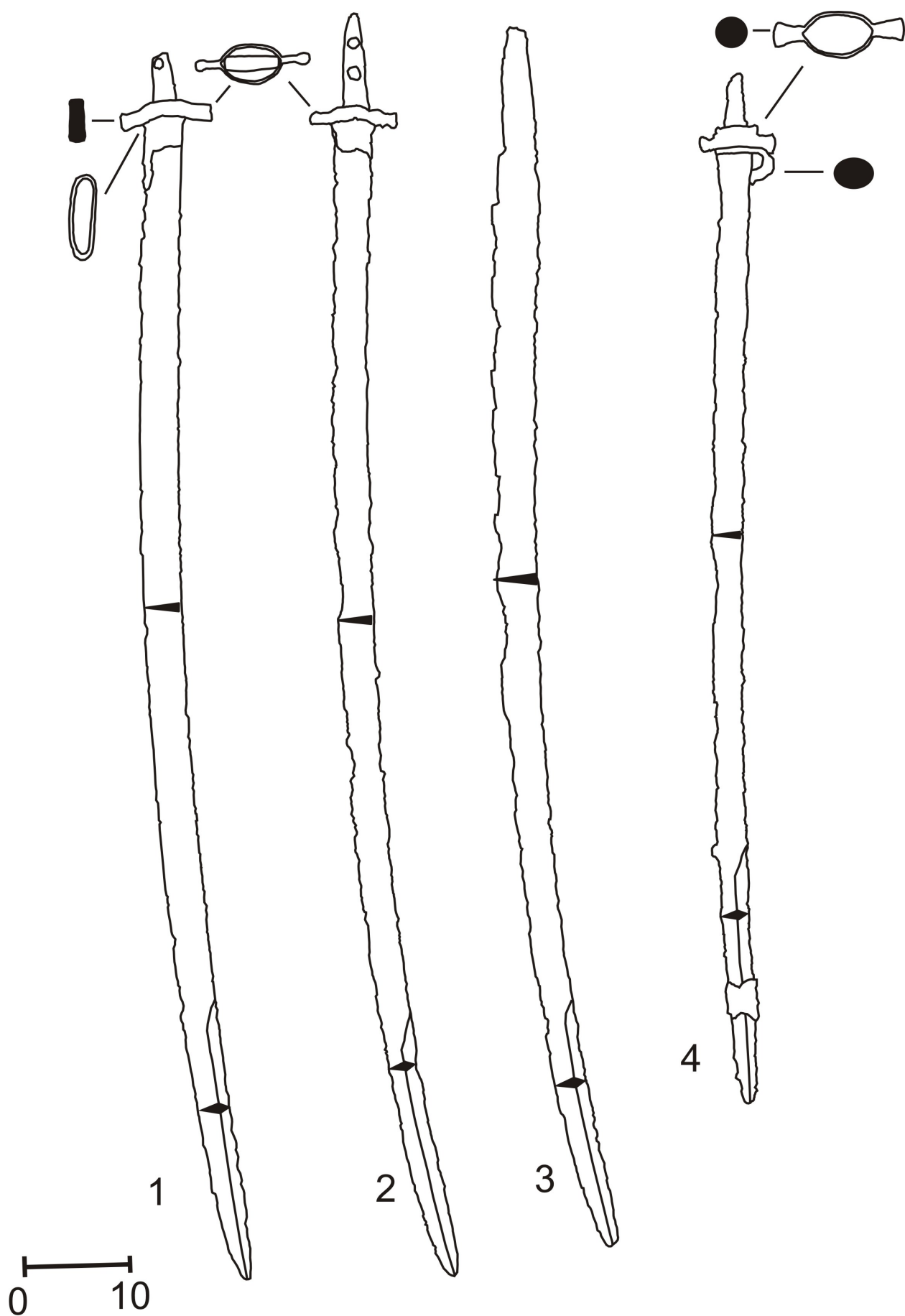


Рис. 1. Сабли, найденные у с. Майртуп в 2010–2011 гг.

которое вставляется черенок. Концы перекрестия прямоугольные в сечении и наклонены в сторону клинка.

От рукояти сабли остался цельнокованный с клинком черен длиной 6 см, с наклоном к лезвию, обломанный на конце. Он имеет прямоугольное сечение и плавно сужается к концу. На нем сохранилась одна заклепка (гвоздь ?), крепившая ныне отсутствующие деревянные обкладки рукояти. Навершие рукояти не сохранилось.

Сабля 2 (рис. 1. 2) схожа с предыдущей и также состоит из клинка, рукояти и перекрестия. Общая ее длина – 110,3 см, вес – 900 г. Сохранность – лучше, чем у сабли 1. Покрывается коррозией, неоднородной по всей поверхности клинка, черного, серого и оранжево-коричневого (преобладает) цветов.

Клинок длиной 101,3 см имеет плавный, близкий к симметричному изгиб. Середина изгиба (или точка максимального прогиба клинка в 3,5 см) немного смещена к острию и находится на отрезке между 50 и 60 см от перекрестия сабли. Основная часть клинка имеет одностороннюю заточку, треугольное сечение. Ширина (2,9 см) и толщина (0,7 см) клинка практически по всей длине одинаковы.

Сужение и утончение клинка начинаются только с острия (22 см длины), имеющего двухстороннюю заточку. Оно ромбовидное в сечении, имеет четко различимое ребро жесткости. Последнее смещено к внутренней стороне клинка, проходя в 1/3 части ширины клинка от обуха. Лезвие с внутренней стороны клинка идет параллельно ребру жесткости и в 6-ти см от кончика острия плавно сужается к ребру жесткости, с внешней же стороны начинает плавно сужаться с самого начала и в 8 см от кончика острие более сужено.

На клинке, под перекрестием, расположена железная накладка-обойма, охватывающая клинок с трех сторон (с боковых и со стороны обуха), длиной 2,8 см. Язычок отсутствует. Основная часть обоймы заметна визуально и определяется «на ощупь».

Перекрестие – железное, напускное, длиной 7,4 см, состоит из основной части и концов, равных по ширине (1,3 см). Основная часть (челноковидная), с подпрямоугольным отверстием, в которое продет черен. Концы перекрестия прямоугольные в сечении и наклонены к клинку.

От рукояти сабли остался только цельнокованный с клинком черен длиной 9 см, практически не имеющий наклона в сторону лезвия клинка, прямоугольный в сечении, сужающийся кверху.

На нем сохранились две заклепки (гвоздя), крепившие деревянные обкладки рукояти. Навершие рукояти отсутствует.

Сабля 3 (рис. 1. 3) состоит из клинка и рукояти, перекрестие отсутствует. Общая длина сабли 107 см, вес – 710 г. Сохранность – средняя. Коррозия однородна на большей части поверхности клинка, присутствуют черный, серый и оранжево-коричневый цвета.

Клинок длиной 98 см имеет плавный, близкий к симметричному изгиб в 3 см, точка его немного смещена к острию и находится на расстоянии между 50 и 60 см от перекрестия сабли. Основная часть полосы, треугольная в сечении, заточена односторонне, ширина 2,7 см и толщина 0,5 см практически по всей длине одинаковы.

Сужение и утончение клинка начинаются только с обоюдоострого острия в 21 см от конца. Острие – ромбовидное в сечении, имеет четко различимое ребро жесткости, которое смещено к обуху на расстояние приблизительно 1/3 его ширины. Лезвие с внутренней стороны клинка параллельно ребру жесткости и в 6 см от кончика острия плавно сужается к последнему, с внешней стороны клинка сужение начинается с самого конца острия и на расстоянии 8 см от него становится более заметным. Обойма и язычок отсутствуют.

От рукояти сабли остался цельнокованный с клинком черен в 9 см длиной, имеющий заметный наклон в сторону лезвия, прямоугольный в сечении, сужающийся к навершию. Заклепок (гвоздей) для крепления деревянных обкладок рукояти нет (как и навершия), хотя следы деревянного тлена отчетливы.

Сабля 4 (рис. 1. 4) представляет собой клинок с рукоятью и перекрестием, частью верхней обоймы и наконечника ножен. Ее общая длина 89 см, вес – 614 г. Сохранность – средняя, черен обломан, покрыта коррозией, неоднородной по всей поверхности клинка, преобладает черный цвет. Красно-оранжевый цвет маркирует, как и в других случаях, древесный тлен или сохранившиеся деревянные фрагменты ножен и обкладки рукояти.

Клинок (длиной 83 см) имеет очень плавный, практически незаметный прогиб в 1,3 см, середина которого находится между 30 и 55 см от перекрестия сабли. Основная часть клинка имеет одностороннюю заточку и треугольное сечение, с четко различимыми лезвием и обухом. Полоса шириной 2,3 см и толщина 0,6 см начинает сужаться только у двулезвийного острия длиной 22 см.

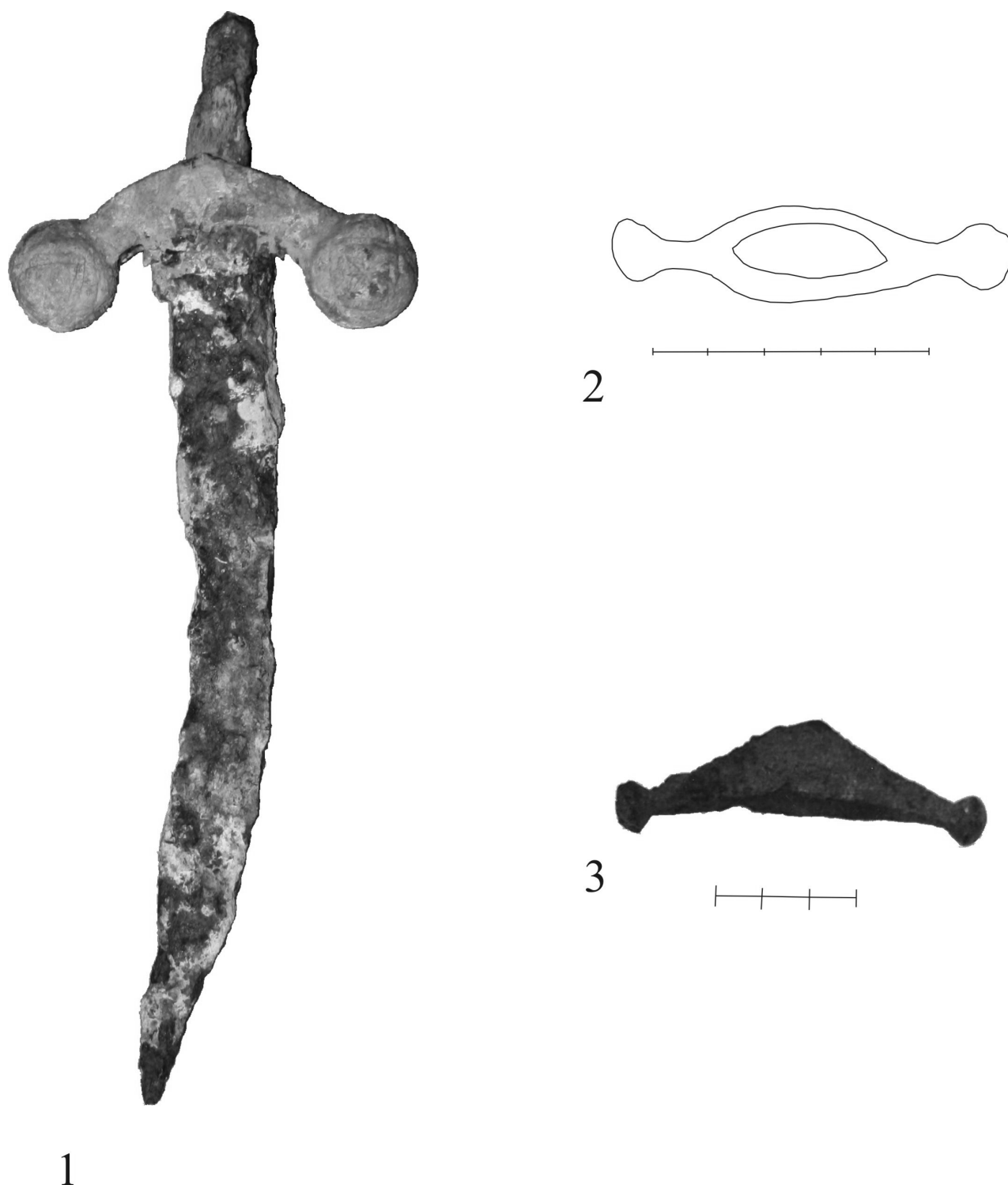


Рис. 2. Кинжал и перекрестия сабель, обнаруженные у с. Майртуп

На части последнего, между 8 и 10,5 см от кончика, сохранился фрагмент железного наконечника длиной 2,5 см с деревянной обкладкой ножен под ним.

На клинке, у рукояти, расположена часть обоймы ножен – устье со скобой для подвешивания, на которое опускалось перекрестие. Под ними и вокруг них фиксируются деревянная обкладка ножен. Сама обойма представляет из себя кольцо эллипсовидной формы длиной 3,2 см, ко-

торое соединено со скобой дуговидной формы, круглой в сечении.

Перекрестие – железное, напускное, длиной 6,3 см, имеет веретенообразную форму с круглыми концами, слегка опущенными вниз. На перекрестии со стороны лезвия есть выемка под указательный палец, здесь сохранились фрагменты деревянной обкладки.

От рукояти сабли остался цельнокованый черен, прямоугольный в сечении, частично обло-

манный, длиной 4,5 см, имеющий наклон в сторону лезвия клинка. Креплений на нем (заклепок, гвоздей, штифтов) нет.

Кроме описанных, автор зафиксировал еще одну находку из Майртупа, представляющую клинок с череном рукояти (без перекрестия), аналогичный сабле 3. Однако детально осмотреть ее и сфотографировать не удалось.

Еще одна сабля, шестая по счету, как уже отмечалось выше, была найдена в окрестностях этого же селения значительно раньше, где-то в середине 70-х гг. прошлого века [8]. Она имела клинок, рукоять и перекрестие. Общая длина сабли 107 см, вес – 930 г, длина клинка 101 см, ширина клинка у рукояти 3 см, толщина обуха 0,7 см. Кривизна клинка – 3,8 см. Напускное перекрестие крестообразной формы (размерами 8,8×3,9 см) имеет сравнительно узкие подтреугольные горизонтальные и короткие вертикальные части, немного суживающиеся к овальным концам. На клинке под перекрестием находилась железная прямоугольная оковка (обойма) без язычка, служившая, по мнению авторов публикации, для предохранения ножен от повреждения. Треугольный в сечении клинок заканчивался граненым обломанным острием с двусторонней заточкой длиной в 25,2 см. Черен (без видимых отверстий для крепления рукояти) имел заметный наклон к лезвию [8, с. 61].

В окрестностях сел. Майртуп тогда же были найдены и два сабельных перекрестия². Одно из них – железное напускное с утолщенными округлыми концами, происходящее, по словам находчиков, из разрушенной катакомбы (рис. 2. 2). Второе – бронзовое подтреугольное с утолщениями на концах, видимо, было поднято находчиками на территории одного из поселений золотоордынского времени, зафиксированных в округе с. Майртуп (рис. 2. 3) [9, с. 119].

Таким образом, из окрестностей этого селения происходит ряд сабельных клинков, существенно пополняющих коллекцию этих предметов вооружения, обнаруженных на территории Чечни. Правда, большая часть уже известных (если не считать находки из Бамутского кабардинского могильника [10]) связана с раннесредневековыми памятниками, в первую очередь аланскими катакомбными могильниками у сс. Мартан-Чу и Дуба-Юрт.

Так, в Дуба-Юртовском 1 катакомбном могильнике была найдена «сабля длиной 80 см, со слабоизогнутым клинком и перекрестием с овальными утолщениями на концах и подтреугольным череном с небольшим уклоном в сторо-

ну режущей части клинка» IX–X вв. [11, с. 19–20, рис. 6. 27]

В Мартан-Чу 1 были обнаружены несколько сабель, два палаша и один кинжал [12, с. 64, 65 рис. 2. 20, с. 71 рис. 7. 4, 5, с. 72, 75, 77 рис. 11. 3; 13, с. 14, 16, рис. 8. 4; 14]. Кроме того, такие же предметы вооружения были найдены случайно или при грабительских раскопках в степной части Чечни в памятниках иного, кочевнического, типа – Коби, Старощедринская, Калиновская и др. [1–3]

Необходимо отметить, что аналогии майртупским находкам среди выше указанных немногочисленны, что в первую очередь может объясняться их более ранней датой. Вместе с тем, некоторые экземпляры из майртупской серии находят очевидные параллели в памятниках других районов Северного Кавказа

Так, сабля, близкая рассматриваемым 1 и 2, относительно недавно была опубликована В.А. Кузнецовым и Р.Р. Рудницким [15, с. 304–305, с. 326 рис. 14. 1]. Она похожа, прежде всего, по размерам – ее полная длина составляет 108 см при длине клинка 98 см и черена рукояти 9,7 см. Кривизна полосы – 4 см, что несколько больше, чем у наших сабель. Наличие и длина острия (названного елманыю), как и накладки под перекрестием, увеличивают сходство. Последнее в целом идентично гардам указанных майртупских сабель, но при этом отличается концами с шаровидными утолщениями, отогнутыми к рукояти, а не к клинку, что вызывает определенное недоумение и предположение, что перекрестие с Козьих скал просто изображено перевернутым, тем более что сабля, видимо, происходит из случайных сборов³.

Датируя эту находку, авторы указали, что такие сабли с накладками были обнаружены в ряде могильников Восточного Прикубанья и отнесли их появление в данном районе к влиянию кочевого мира азиатских степей [15, с. 305], отметив их несвойственность как для салтово-маяцкой культуры, так и для северокавказских алан. Наиболее раннее появление таких накладок на раннесредневековых саблях В.А. Кузнецов и Р.Р. Рудницкий отмечают в памятниках тютхяхской культуры IX–X вв. **Южной Сибири, а также в Туве и Минусинской котловине**, указывая на их широкое распространение и на клинках аскизкой культуры X–XIV вв. [15, с. 305]

С вопросом о времени появления накладок на лезвиях сабель тесно связан вопрос об их назначении. Здесь мы не разделяем мнение В.А. Кузнецова и Р.Р. Рудницкого и их предше-

ственника В.Н. Каминского о причинах появления подобных элементов на клинках. В свое время последний объяснил необходимость их создания удобствами фехтования и предохранением руки [15, с. 304]. Остановимся на аргументации В.Н. Каминского подробнее ⁴.

Указывая на иные высказанные объяснения причин появления накладок на лезвиях – для плотного закрепления перекрестия на клинке, предохранения ножен от повреждения, интерпретации их как следов возможного ремонта, В.Н. Каминский отводил их как несостоятельные. Свою позицию он, прежде всего, аргументировал наличием у всех клинков с накладкой четко выраженного острия – длинного обоюдоострого, ромбовидного в сечении. Отсюда следовал вывод, что сабли такого вида были, так сказать, полифункциональным (совмещающим рубяще-колющие возможности) оружием и, следовательно, требующим владением специальной техникой боя, в которой важное место, по его мнению, отводилось приему «фехтования» ⁵. Из этого следовало утверждение о том, что «при фехтовании сабельным клинком держать саблю за наклонную рукоять неудобно» ⁶. Эффективность колющего удара при этом заметно снижается ⁷. Проводя параллель с европейскими шпагами и узкими мечами ⁸, В.Н. Каминский указывал на то, что для укола там использовался «захват пальцами через перекрестие на клинок», поэтому для предотвращения повреждения пальцев последний у перекрестия делали граненым ⁹. Поэтому при использовании такого же приема на сабельной полосе и нужна была, по его мнению, накладка с язычком на лезвии [16, с. 62].

Однако необходимо отметить, что длина язычков на обоймах была значительно больше, чем требовал бы описанный прием. И, что важно отметить, при увеличении длины клинка размер язычка в большинстве известных случаев просто увеличивался пропорционально [15, 17, 18].

Кроме того, азиатские образцы, например, судя по достаточно выразительной подборке сабель монгольского, китайского, тибетского и среднеазиатского происхождения, имеющих аналогичную накладку на клинках, вообще исключают возможность использования такого приема из-за овальной в сечении гарды, не позволяющей осуществлять хват через перекрестие [19, с. 267 рис. 81/2, 275 рис. 84/1, 281 рис. 88/6,9]. К этому же можно добавить китайские, киданьские и монгольские палаши и мечи с перекрестием аналогичной формы и накладкой с язычком, опубликованные М.В. Гореликом [18, с. 50 рис. 3, 4, с. 57 рис. 10, 11, 12, с. 63 рис. 5].

Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что аналогичная деталь, называемая «хабаки», изготовленная из цветных металлов, есть и на японских мечах, причем так же в сочетании с круглой или иной формы плоской «цубой» – гардой, не позволяющей даже теоретически удерживать оружие таким образом.

Другим аргументом является и то, что описанный хват мог применяться в первую очередь для нанесения колющего удара, и, следовательно, «обойма» должна была сочетаться с острым клинком. Однако, например, у экземпляров из работы Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова, на которых была «обойма с язычком», такого острия нет [19, с. 267 рис. 81/2, с. 275 рис. 84/1, с. 281 рис. 88/6,9].

Правда, у М.В. Горелика приводится изображение хвата через перекрестие с тебризской миниатюры XIV в., однако здесь изображен захват рукояти обеими руками, причем на сабле накладки с язычком нет [18, с. 64, рис. 35] ¹⁰.

Причины появления такой детали на клинках у разных народов, разделенных значительными расстояниями и временными отрезками, имеют, на наш взгляд, другое (более простое) объяснение.

Ранее Х.М. Мамаев уже высказал мнение, что «язычки» на лезвии предназначались для защиты ножен сабель от разрезания. Мы согласны с ним, но, уточняя это заключение, считаем, что обойма в первую очередь служила для плотной фиксации клинка в ножнах, с одной стороны, и облегчения процесса извлечения его из ножен – с другой. По крайней мере, известно, что «хабаки» на японских клинках предназначались для этого.

Возвращаясь к сабле с Козьих скал, заметим, что авторы датировали ее, прямо связывая со штурмом поселения половцами в XII в.

Это утверждение о времени гибели поселения основано на весьма широкой датировке обнаруженных многочисленных наконечников XI–XIV вв., а этнокультурное определение рассматриваемой находки строится на высказанном, но не доказанном утверждении о принадлежности сабель с накладками на лезвие исключительно тюркоязычному кочевому миру.

Между тем, хронология основной части наконечников стрел, формально позволяющая определить датировку сабли указанным образом, вызвала резонные сомнения [20, с. 189–190]. Как указывает Я.Б. Березин, типы наконечников, на основе которых поселение Козьи скалы, «по мнению В.А. Кузнецова и Р.Р. Рудницкого прекращает свое существование «около середины XI века» ¹¹, собственно в половецких памятниках Северного Кавказа не встречаются, а значительно чаще фик-

сируются в погребальных комплексах кочевников золотоордынского времени.

В подтверждение своей датировки С.Я. Березин указывает также на схожесть еще одной находки – бородовидного топора с Козьих скал [15, с. 303, 324 рис. 12/6] с топорами XIII–XIV вв., опубликованными М.В. Гореликом [18, с. 66, рис. 7, 16].

При этом надо иметь в виду, что В.А. Кузнецов и Р.Р. Рудницкий в качестве параллелей для своей находки тоже указывали на аналогичные топоры, найденные в Чечне и опубликованные Х.М. Мамаевым и Д.Ю. Чахкиевым [21, с. 68–75]. И если с лесорубным назначением последних В.А. Кузнецов и Р.Р. Рудницкий вполне согласны, то предложенной их датировкой XIII–XIV вв. не удовлетворены – ввиду случайного происхождения и внекомплексности находок.

Необходимо отметить, что наиболее близкими топору с Козьих скал представляются две находки из Чечни – топор, обнаруженный у сел. Первомайское [21, с. 69 рис. 1/2] и топор из сел. Майртуп [21, с. 69 рис. 2/3]. Оба эти топора Х.М. Мамаевым и Д.Ю. Чахкиевым были отнесены к бородовидным типа II.A – **топоры со сравнительно небольшой длиной лезвия, незначительно сужающегося внизу, длинной и широкой шейкой, плоским обухом.**

Сомнения В.А. Кузнецова и Р.Р. Рудницкого отчасти понятны, однако датировка Х.М. Мамаева и Д.Ю. Чахкиева, на наш взгляд, верна, поскольку и случайные находки топоров можно определять достаточно точно. В качестве примера правильной датировки случайной находки, не имевшей аналогий на момент первой публикации, мы можем привести топор из окрестностей сел. Мескеты, который авторы первоначально во многом интуитивно отнесли к XV–XVIII вв. [21, с. 70 рис. 2/2, с. 71]. Недавно его дату удалось уточнить концом XVI в., как и функциональное назначение в качестве потеса [22].

Надо отметить, что образцы топоров из работы М.В. Горелика, приведенные С.Я. Березиным в качестве аналогий находке с Козьих скал, отличаются от последнего достаточно заметно. Один из них, кстати, отнесенный первым к монгольским боевым топорам XIII–XV вв. [18, с. 66, рис. 16], является еще одним бородовидным топором из Майртупа (I типа), опубликованным в той же статье Х.М. Мамаева и Д.Ю. Чахкиева [21, с. 69 рис. 1/1, 71].

Таким образом, представление С.Я. Березина о том, что поселение на г. Бештау могло погибнуть не ранее 30-х гг. XIII в. выглядит более убедительным, чем точка зрения В.А. Кузнецова

и Р.Р. Рудницкого, что, соответственно, и определяет дату обнаруженной там сабли и рассматриваемых майртупских экземпляров.

Отметим также, что Е.А. Армарчук и А.А. Малышев считают перекрестия типа II.B, аналогичные гардам этой сабли (как и майртупских), представленные в Циплиевском, Чернокленовском и Абинском 4 могильнике, относящиеся к концу XII–XIII вв. [15, с. 109]

Возвращаясь к собственно майртупским находкам, отметим, что еще две сабли, аналогичные 1 и 2 майртупским, были опубликованы В.Н. Хоревым [23, 24] ¹².

Эти параллели определяются как пропорциями клинков – длинных, имеющих изгиб средней величины, с обоюдоострыми, ромбовидными в сечении остриями, так и формой «челночных» перекрестий с плоскими, немного опущенными концами. На саблях, в целом идентичных, присутствуют накладки с язычком, которые автор называет муфтами ¹³. Длина клинка одной из сабель известна – 92 см при общем весе 800 г [24, с. 226].

В.Н. Хореву удалось установить структуру одного из клинков. Внешняя «мягкая» оболочка из низкоуглеродистой стали и железа покрывает закаленную сердцевину из высокоуглеродистой стали [24, с. 232]. При этом он прямо связывает публикуемые сабли с аланами, у которых хорошо известна такая технология изготовления клинков [25].

В целом же мы полагаем, что вся совокупность признаков позволяет датировать рассмотренные выше сабли из Майртупа XII–XIII вв., скорее всего, XIII в. и считать клинки длиной около 1 м с плавным прогибом и обоюдоострым, ромбовидным в сечении острием характерными для этого времени.

Что касается сабли 4 из этого же набора, то полных аналогий ей найти не удалось. Однако в работе У.Ю. Кочкарова есть типология обойм сабель, в которой присутствуют и аналогичные скобы «Тип I – **U-образные, оснащенные обоймой**». По сведениям последнего, такой тип хорошо представлен в венгерских древностях. С другой стороны, длина и кривизна клинка, наличие у данной сабли обоюдоострого острия позволяют считать саблю 4 наиболее ранней из рассматриваемых.

Отметим, что достаточно большое количество сабель известно в катакомбах Змейского могильника X–XII вв., как среди уже изданных материалов, так и во вновь добытых. По нашему мнению, все приведенные сабли из Майртупа хронологически более поздние, чем змейские.

На это указывает как большая длина, так и изгиб первых. В целом, представленные материалы Змейского могильника являются более ранними по отношению к Майртупским. Это можно проследить и на примере хоть и ограниченной, но весьма представительной выборке образцов клинкового оружия.

Датировка сабли 5 (как меча и боевых ножей¹⁴) Х.М. Мамаевым и Д.Ю. Чахкиевым XV–XVII вв. представляется излишне омоложенной. Основным аргументом в ее определении является крестообразное перекрестие, с XIV в. завоевавшее огромную популярность на Кавказе, Восточной Европе (в том числе России, Украине, Польше, Венгрии и т. д.) и Турции, Иране, Индии. Столь широкое распространение данного типа объясняется как простотой изготовления, так и его эффективностью. Большие и массивные горизонтальные концы надежно защищали кисть в бою, в то время как верхний конец обеспечивал более плотное крепление перекрестия к рукояти, а нижний позволял надежно фиксировать саблю в ножнах, по сути, дополняя функцию накладки с язычком под перекрестием, которая так же присутствует у этой сабли.

Возможно, такое сочетание накладки и крестообразного перекрестия объясняется и тем, что первоначально сабля имела иное перекрестие. Сабли, имеющие похожие (но не идентичные) детали, на Северном Кавказе известны. Так, М.В. Горелик опубликовал длинную саблю с напускным массивным крестообразным перекрестием и остатками железной обоймы, имеющей язычок, датированную второй половиной XIII–XV вв. [27, с. 137, 139, рис. 9]. Другая сабля, имеющая прямое перекрестие с вертикальным ромбовидным расширением в центральной части и накладку с язычком, изображена на рельефе из с. Кубачи, отнесенному к первой половине XIV в. [28, с. 390 рис. 1, 407]

Перекрестия с ромбическими расширениями в центре, сужающиеся к окончаниям, похожие на рассматриваемый майртупский тип прямых сабельных перекрестий I (подтип Г), приводит У.Ю. Кочкаров [29 с. 31, 32, 144 табл. XVI]. С одной стороны, автор датирует их по А.Н. Кирпичникову XIII в., а с другой – по материалам Убинского могильника X–XII вв. [29, с. 32] Перекрестие нашей сабли отличается от иных вариантов этого вида существенной деталью – наличием вертикальных отростков, что, по нашему мнению, свидетельствует о его более поздней дате. Поэтому полагаем возможным датировать майртупскую саблю 5 XIII–XV вв. Похоже, она является наиболее поздней из всей серии рассматри-

ваемых находок, о чем может свидетельствовать ее большая длина и выраженная огранка полосы.

Что касается упоминавшихся ранее отдельно найденных перекрестий, то отнесение железного (рис. 2. 2), аналогичного таковым на саблях 1 и 2 из того же Майртупа, к концу раннего средневековья представляется вполне правомерным [9, с. 119].

Бронзовое перекрестие (рис. 2. 3), предположительно датированное XIII–XIV вв. [9, с. 119], можно сопоставить с перекрестием типа II-г с подтреугольным боковым щитком и с утолщенными грибовидными концами из средневекового Цемдолинского могильника [17, с. 96]. Е.А. Армарчук и А.А. Малышев сравнили данный тип перекрестий с перекрестиями аланских сабель X–XII вв. из Змейского могильника и перекрестиями из могильника Кабардинка и на отроге г. Сапун XII–XIII вв. [17, с. 96], однако в итоге отнесли группу погребений с такими находками к концу XII–XIII вв. [17, с. 109]. Близкой аналогией нашему перекрестию является перекрестие сабли из кургана №250 из могильника Шизе IV у станции Эриванская Краснодарского края [34]. Отличие заключается в том, что перекрестие сабли из могильника Шизе IV изготовлено из железа, концы перекрестия опущены ниже основной части [34, с. 378 рис. 1. 1]. Отметим, что данная сабля также имеет обойму с язычком под перекрестием, отличается от майртупских как большей длиной (118 см), так и формой клинка [34, с. 378 рис. 1. 1, с. 380]. П.С. Успенский сравнивает перекрестие с гардами сабель из могильников Змейский, Цемдолинский, Кедровая роща, горы Сапун и в целом датирует погребение XII – началом XIII вв. [34, с. 380]. Исходя из вышесказанного, мы сдвигаем датировку бронзового перекрестия из с. Майртуп до XII–XIII вв.

Отдельно рассмотрим также кинжал (рис. 2. 1), поступивший в Национальный музей ЧР вместе с одной из сабель – 4.

Кинжал состоит из клинка, перекрестия и рукояти. Форма клинка, наклон рукояти, а также форма и массивность перекрестия дают основание считать, что кинжал был переделан из части сломанной сабли. Длина клинка кинжала не превышает 20 см. Его ширина также меньше изначальной ширины сабельной полосы. По-видимому, это произошло в результате стачивания клинка с целью придания ему изгиба (который достаточно велик для столь короткого оружия).

От рукояти сохранился только черен, проде-
тый в квадрат, образованный боковыми пластинами и поперечными вертикальными перегородками перекрестия. Пространство между черенком и стенками бронзового перекрестия заполнено ча-

стично сохранившимися остатками деревянных накладок рукояти. Черен рукояти (прямоугольный в сечении) имеет наклон в сторону лезвия. Перекрестие покрыто патиной зеленого цвета, что позволяет считать, что оно было изготовлено из бронзы. Перекрестие литое, состоит из двух пластин, со слабо выраженным ромбовидным расширением в центре, украшенным геометрическим орнаментом, и шаровидных концов, отогнутых в сторону клинка и так же декорированных орнаментом. Пластины расположены параллельно плоскости черенка и охватывают его с правой и левой стороны соответственно. Между собой они соединены двумя поперечными перегородками и шаровидными концами. Возможно, такая «перегородчатая» структура основной части перекрестия была необходима для придания ему (перекрестию) жесткости и прочности, поскольку оно было изготовлено из бронзы и имело довольно большие шаровидные окончания.

Ромбовидное расширение с правой стороны пластины выпуклое и четко выражено, а с левой стороны заметно только благодаря орнаменту – прорезному кресту, соединяющему противоположные концы ромба. С правой и левой стороны от расширения – прорезной елочный орнамент.

Крупные и тяжелые шаровидные концы перекрестия, составляющие большую часть его веса, декорированы простым прорезным геометрическим орнаментом из четырех квадратов, переходящих один в другой через углы. Грани квадратов обозначены двойными линиями, а внутри каждого одинарной линией прорезана восьмилучевая звезда.

Рассматриваемое перекрестие относится к типу перекрестий так называемых «венгерских сабель», распространенных довольно широко за пределами Венгрии и датируемых концом IX в. и всем X в. [30, 31] Среди достаточно многочисленных аналогий [31, p. 329, fig. 1, p. 330, fig. 2, p. 331, fig. 3, 8, 11, fig. 4; 30, p. 78, pic. 10], можно отметить один образец, близкий нашему в первую очередь по декору «огнива» и боковых пластин, хотя размеры его концов меньше [30, p. 132, pic. 137].

Кинжал и сабля 4, датируясь периодом с конца IX по начало XI вв., представляют в общем синхронные, но при этом разные типы оружия – сабля относится к аланскому кругу древностей, в то время как кинжал представляет т. н. «венгерскую саблю» (хоть и в переделанном виде).

К сожалению, достоверно установить источник происхождения рассмотренных выше находок клинкового оружия пока не представилось возможным. Селение Майртуп уже довольно давно получило известность в кавказоведческой

литературе в связи с многочисленными археологическими памятниками на его территории и в округе, начиная с эпохи поздней бронзы и кончая поздним средневековьем (см., например [8, с. 53; 9; 32]). Судя по некоторым косвенным данным (достаточно частым упоминаниям неких подземных «пещер» в связи с отдельными из рассмотренных находок) и бесспорному наличию аланских катакомб конца эпохи раннего средневековья на этой территории [9, с. 119], есть определенные основания полагать, что в окрестностях сел. Майртуп находится могильник начала эпохи позднего средневековья – золотоордынского времени, откуда и происходят некоторые из рассмотренных предметов вооружения, по крайней мере, отчасти связанных с аланской оружейной традицией. В связи с этим можно напомнить, что в окрестностях сел. Майртуп уже выявлены бытовые памятники золотоордынского времени, оставленные, скорее всего, полиэтничным населением [8, с. 58–59; 33, с. 35–36].

Это еще раз подтверждает необходимость всестороннего изучения округа сел. Майртуп как местности, богатой памятниками, оставленными различными народами, проживавшими на этой территории в эпоху средневековья.

¹ Вместе с саблями в музее оказались и другие вещи, по-видимому, происходящие из одного с ними могильника. Особого внимания заслуживают два однотипных стеклянных кувшина, которые несколько отличаются друг от друга степенью выраженности вертикальных ребер на биконическом тулове, изготовленные из стекла бледнозеленого цвета. Ручка ленточная в сечении, нижним концом крепится к плечикам, верхним, украшенным крупным зацепом – к горловине. Горловина между венчиком и местом крепления ручки опоясана двумя параллельными нитками синего стекла. Кувшины имеют плоский поддон. Аналогией указанным сосудам составляет «кувшинчик зеленоватого стекла с шаровидным туловом на сплошном поддоне с высоким горлом-раструбом, изогнутой ручкой, крепящемуся к верхнему краю горла и упирающемуся внизу в покрытое каннелюрами тулово. Такие сосуды из Эрмитажа определяются как произведения среднеазиатских мастеров X–XI вв. [7, с. 58, № 41].

² Они были обнаружены у местных собирателей древностей в 1979 г. В статье [9, с. 118] приводилось только их описание. Позднее появились рисунок и фотография, которые и публикуются нами.

³ Дело в том, что точной информации об условиях ее обнаружения нет. Похоже, что сабля была найдена краеведом И.Е. Волковым при помощи металлоискателя – именно его авторы указывают как находчика (и собственника) большинства металлических предметов, обнаруженных на поселении [15].

⁴ Детально эта точка зрения была изложена в кандидатской диссертации В.Н. Каминского и в статье, опу-

бликованной позднее [16]. Применительно к последней необходимо отметить одну фактическую неточность. Здесь, в частности, отмечалось, что: «Угорские элементы материальной культуры (рис. 1) появляются на могильниках Мартан-Чу в Чечне... (имелись в виду коньковые подвески – Р.М.)» и при этом авторы ссылались на статью В.Б. Виноградова «*Altungarische Parallelen zu einigen Grabern des Alanischen Graberfeldes bei Martan-Cu*» [16, с. 62–63]. Но в указанной статье В.Б. Виноградова нет ни рисунка, ни сведений о такой находке. Более того, по свидетельству Х.М. Мамаева такого артефакта там не было вообще.

⁵ Под последним археолог, видимо, имел в виду выпады для нанесения колющих ударов, наподобие тех, что используют фехтовальщики на шпагах и рапирах.

⁶ В связи с тем, что автор не объяснил предыдущий термин, невозможно определить и справедливость данного утверждения.

⁷ Что подразумевал В.Н. Каминский под эффективностью – непонятно. Если он имел в виду пробивную силу и точность удара, то тут можно внести несколько уточнений. Так, любое оружие с кривым клинком будет проигрывать оружию с прямым, только потому, что оно изначально предназначено для рубящего удара, в отличие от тех же мечей, шпаг или рапир. Влияние угла наклона рукояти может иметь и обратный эффект – например, у современных спортивных рапир, которыми можно наносить только колющие удары, рукоять имеет форму ручки пистолета (находится по углом 90° к клинку), что усиливает эффективность колющего удара. При этом шпаги имеют прямую рукоять, как раз из-за возможности нанесения рубящих (скорее, секущих) ударов.

⁸ Однако у оружия этого типа и рукоять, и клинок прямые.

⁹ При этом клинок становился уже, что облегчало захват, в то время как накладки с язычками делали клинок сабель шире и толще. Но главное, что забывает автор, это то, что на шпагах и рапирах для защиты пальцев, лежащих на клинке, изготавливались эфесы сложной системы из дуг, щитков и целых полусферических чаш, находящихся перед крестовиной гарды.

¹⁰ Кстати, на других рисунках [18, с. 64 рис. 33, с. 73 рис. 15] изображены сабли без накладки, но с длинным фигурным язычком, расположенным со стороны обуха клинка, что подтверждает наши сомнения.

¹¹ Эта дата – неточность С.Я. Березина, поскольку в статье В.А. Кузнецова и Р.Р. Рудницкого указывается, что гибель поселения «могла быть связана с появлением около середины XI в. тюрк-половцев занявших предкавказские и северопричерноморские степи». Само же поселение погибло во время этого процесса, но уже в XII в., на что авторы статьи и указывают дважды – в самом начале и конце того же параграфа [15, с. 310].

¹² Привлечение для археологических исследований предметов вооружения результаты работ реставраторов-оружейников, по нашему мнению, является необходимым условием успешной работы в этом направлении.

¹³ При этом автор проводит весьма интересные параллели с муфтой «хабаки», присутствующей на японском клинковом оружии [24, с. 227].

¹⁴ Эти боевые ножи похожи на турецкие ятаганы. Один из них [8, рис. 3, 4] идентичен известным экземплярам как по размеру, так и по форме клинка, дола, острия и черенка. Два других немного отличаются как от первого, так и друг от друга [8, рис. 3, 3,5]. И если один [8, рис. 3, 5] сохранился на полную длину и место перехода цельнокovanого с клинком черена оформлено пологими плечиками, то другой [8, рис. 3, 3] явно переделан из более длинного клинка (видимо, обломанного), поскольку его клинок плавно переходит в черенок. Учитывая, что вопрос о происхождении (в том числе времени появления) ятаганов остается открытым – все хранящиеся в музеях образцы датируются XVIII в. и позже (кроме одного, изготовленного в 1526–1527 гг. для султана Сулеймана II (в книге допущена явная опечатка, указывающая, что ятаган был собственностью Сулеймана I и что он умер в указанный год) [26, с. 118], получается, что рассматриваемые экземпляры являются едва ли единственным археологическим и ранним доказательством существования этого оружия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еремин Н.М., Нарожный Е.И. Новые комплексы VIII–IX вв. из окрестностей с. Коби Шелковского района Чечни // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 1. Армавир, 2003. С. 75–88.
2. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н. О Шелкозаводском городище Хазарского времени на Тереке // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 1. Армавир, 2003. С. 89–114.
3. Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа. Армавир, 2005. 210 с.
4. Басов В.И., Нарожный Е.И., Тихонов М.П. О двух типах наконечников копий с территории Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 105–111.
5. Нарожный Е.И. О шлемах из сел. Ярыш-Марды и святилища Реком (Чечня и Северная Осетия) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 112–125.
6. Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 126–153.

7. Во дворцах и шатрах. Исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки. СПб., 2008. 431 с.
8. *Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю.* Новые находки эпохи средневековья из окрестностей селения Майртуп / Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987. С. 53–67.
9. *Мамаев Х.М.* Чишкинский и Майртупский раннесредневековые могильники в Чечне // Вестник Академии наук Чеченской Республики, №1 (10), 2009. С. 115–125.
10. *Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М.* Бамутский курганный могильник XIV–XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 217–242.
11. *Мамаев Х.М., Савенко С.Н.* Дуба-Юртовские катакомбные могильники // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 5–37.
12. *Виноградов В.Б., Мамаев Х.М.* Аланский могильник у сел. Мартан-Чу в Чечне (материалы 1970–1976 гг.). С. 62–86.
13. *Виноградов В.Б., Мамаев Х.М.* Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977–1978 гг.) / Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С. 5–27.
14. *Мамаев Х.М.* Исследование средневековых памятников в Чечено-Ингушетии // АО-1984. М., 1986. С. 101–102.
15. *Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р.* Поселение «Козьи скалы у горы Бештау» // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Археология. Ставрополь, 1998. С. 298–331.
16. *Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В.* Вооружение племен Северного Кавказа в Раннем Средневековье / Историко-археологический альманах, 1997. С. 61–69.
17. *Армарчук Е.А., Малышев А.А.* Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах, №3. Армавир, 1997. С. 92–114.
18. *Горелик М.В.* Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002. 83 с.
19. *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 774 с.
20. *Березин С.Я.* К изучению позднесредневековой археологии современных Кавминвод // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 1. Армавир, 2003. С. 188–193.
21. *Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю.* О назначении железных позднесредневековых топоров из Чечни / Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 68–75.
22. *Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.* Топор из Мескетов и некоторые вопросы изучения позднесредневековых башен Чечни // Вестник Академии наук Чеченской Республики, №1 (14), 2011. С. 124–128.
23. *Хорев В.Н.* Все победит время... (очерк о вооружении алан) / Клинок, №38, 2010.
24. *Хорев В.Н.* Реставрация оружия. Ростов н/Д, 2010. 251 с.
25. *Кузнецов В.А.* К вопросу о производстве стали в Алании // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 212–217.
26. *Веденский Г.Э.* Янычары: история, символика, оружие. СПб., 2003. 172 с.
27. *Горелик М.В.* Аланский воинский комплекс золотоордынского времени // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 136–140.
28. *Доде З.В.* Половцы в Дагестане: загадочный рельеф из Кубачи // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Археология и Краеведение. Ставрополь, 2009. С. 390–414.
29. *Кочкаров У.Ю.* Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М., 2008. 175 с.
30. *La Hongrie de l'an Mil. Naissance d'une nation europeenne.* 1998. Caen. Budapest. Milan. 218 p.
31. *Iotov V.* A note on the «Hungarian sabers» of medieval Bulgaria // The other Europe in the Middle Ages. Avars. Bulgars. Khazars. Cumans. Leiden – Boston. 2008. P. 327–338.
32. *Виноградов В.Б., Дударев С.Л.* Могильники позднего бронзового века у сел. Майртуп в Чечне // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 1. Армавир, 2003. С. 5–61.
33. *Даутова Р.А., Мамаев Х.М.* Коротохский замок в горной Чечне // Археология и традиционная этнография народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992. С. 20–40.
34. *Успенский П.С.* Исследования средневекового могильника Шизе IV в 2008 г. // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 377–381.